

Погодин Игорь Александрович

кандидат психологических наук, доцент,
директор Института гештальта,
г. Минск, Беларусь
dom-hors@mail.ru

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА:
ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД**

Аннотация:

В центре внимания статьи находится процесс обсуждения контакта через призму его основных свойств. Выделяются свойства, одно из которых основывается на возможности выбора партнерами по контакту, а другие являются производными от предыдущего опыта контактирования участников коммуникации.

Ключевые слова:

контакт, свойства контакта, присутствие, чувствительность, осознание: consciousness и awareness, свобода выбора, творчество, первичный и вторичный (абстрагированный) опыт.

Pogodin Igor Aleksandrovich

PhD in Psychology, Assistant Professor,
Director at the Gestalt Institute,
Minsk, Belarus
dom-hors@mail.ru

**FUNDAMENTAL FEATURES OF
THE PSYCHOLOGICAL CONTACT:
PSYCHOTHERAPEUTIC VIEW**

Summary:

The article focuses on the process of discussion of the contact from the perspective of its principle features. The author considers characteristics, one of which is based upon the option of partner selection, and the others are derivative from the previous contact experience of the communication participants.

Keywords:

contact, features of contact, presence, sensitivity, sensing: consciousness and awareness, freedom of choice, creativity, primary and secondary (abstract) experience.

Контакт, в том числе и терапевтический, выступает как единый феномен, описывающий процесс взаимодействия двух людей. Однако качество этого взаимодействия может значительно отличаться. Причем в данном случае слово «качество» не имеет оценочного оттенка и не может быть определено местоположением на континууме «высокое – низкое качество». Более того, в данном контексте целесообразно говорить не о качестве, а о качествах, или скорее даже свойствах, контакта.

Если подвергнуть детальному феноменологическому анализу множество терапевтических ситуаций, то становится очевидным, что терапевтический контакт может быть описан посредством выраженности следующих его **свойств**:

- 1) присутствие участников контакта в жизни друг друга;
- 2) чувствительность участников контакта как к себе, так и к партнеру;
- 3) осознание происходящего в феноменологическом поле контакта;

4) творчество в контакте, определяемое, помимо прочего, свободой в предъявлении своих реакций участниками контакта и в выборе форм организации пространства жизни в контакте, в том числе – способностью регулировать психологическую дистанцию приближением – отдалением.

Разумеется, что выраженность этих свойств разнится от контакта к контакту даже при условии, что в нем принимают участие одни и те же люди. В связи с этим стоит ввести еще одну переменную, которая бы способствовала возможности такой дифференциации. Речь идет о понятии, которое бы описывало степень присутствия, чувствительности, осознания и творчества участников контакта. Подходящей для этих целей, на наш взгляд, является категория качеств.

В настоящей работе мы сфокусируем свое внимание на общей характеристике свойств контакта, рассмотрим отношения, в которых они находятся по отношению друг к другу, а также проведем дифференциальный анализ свойств контакта, выделив среди них те, которые основаны на выборе, и те, которые формируются в опыте. Каждое из свойств контакта будет нами рассмотрено детально в последующих работах.

Свойства контакта или характеризующие индивида признаки?

Прежде, чем мы приступим к описанию свойств контакта, нельзя не остановиться на анализе проблемы соотношения категорий поля и субъекта в рамках диалогово-феноменологической модели психотерапии. В противном случае нам придется проигнорировать одну из важнейших методологических проблем. Итак, применительно к рассматриваемому нами аспекту возникает вопрос: свойства, которые мы уже упомянули выше, характеризуют собственно процесс контактирования или все же индивидов, выступающих субъектами этого процесса? Ответ на вопрос является принципиальным постольку, поскольку фундаментальными для полевой методологии являются принцип децентрализации власти и соответственно представления о первичном и абстрагированном опыте.

Привычный индивидуалистический образ мышления заставляет нас рассматривать присутствие, чувствительность, осознание и свободу в экспериментировании как характеристики, присущие индивиду. На первый взгляд, складывается впечатление, что такого рода атрибуция подсказана нам здравым смыслом. Этот самый здравый смысл произведен от особенностей западного мышления, складывавшегося тысячелетиями в процессе развития цивилизации. Он настолько привычно впитался в каждое суждение и каждую интерпретацию феноменов у западного человека, что выглядит как очевидный и единственно возможный. Появление в начале двадцатого столетия теории поля, которая довольно стремительно была взята на вооружение и распространена разными психологическими и психотерапевтическими школами, а также движения ситуационистов в середине прошлого столетия, привлекшего внимание мыслителей в области наук о человеке, не могли не повлиять на мышление западного человека. Постмодернизм с его принципами децентрализации, плюрализма, контекстуальности, процессуальности, а также фокусированием на значении дискурса, оказав значительное влияние на философию и искусство [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], внес свой вклад и в трансформацию представлений о психическом [10; 11; 12; 13; 14; 15]. Появление в 50-х гг. прошлого столетия гештальтподхода в психотерапии связано, на наш взгляд, именно с такого рода влиянием.

Разумеется, что происходящая под влиянием описываемых факторов методологическая революция не могла не обнажить чрезвычайно глубокие конфликты, которые обнаруживает в себе и сегодня психологический способ мышления. Ведь именно в науках о человеке постмодернистская идеология встретила самый жесточайший отпор. Пройдя более или менее гладко в философии и искусстве, сферах, в гораздо меньшей степени ригидных и значительно более гибких и лабильных, в науке идея децентрализации сталкивается с серьезным сопротивлением в процессе своей ассимиляции, в основном со стороны концепций индивидуализма. К слову сказать, психология и психотерапия оказываются значительно «устойчивее» в этом процессе, чем биология, химия, физика и др. Например, еще столетие назад физика ассимилировала постмодернистскую по своей сути идею контекстуальности, благодаря чему, например, устоялись плюралистические представления о дуальной природе элементарной частицы, появился принцип дополненности и, наконец, получила свое развитие квантовая физика. Науки же о человеке продолжают держать свои «индивидуалистические бастионы».

Что касается психотерапии, то эта тема достойна отдельного обсуждения. В разное время предпринимались некоторые попытки интегрировать принцип децентрализации в

сферу психологической помощи. В большинстве своем эти попытки терпели неудачу. Даже самая смелая из них, предпринятая почти шестьдесят лет назад Ф. Перлзом и П. Гудманом и проявившаяся в создании новой психотерапевтической школы, через некоторое время «захлебнулась» в собственной непоследовательности ее инициаторов. Основатели гештальттерапии при столкновении с естественными в этом совершенно новом процессе трудностями в осмыслении и развитии теории и практики психотерапии сами то и дело соскакивали в надежные и проверенные «объятия индивидуализма». Чего стоят, например, концепция поля организм/среда или представления о цикле контакта. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что, по всей видимости, гештальттерапия и обрела такую огромную популярность в мире, развившись в одно из основных и наиболее признаваемых направлений психотерапии отчасти за счет компромисса с индивидуализмом.

Вместе с тем, некоторые из наиболее радикальных тезисов постмодернистского мышления все еще несут в себе чрезвычайно богатые и буквально неисчерпаемые ресурсы для психотерапевтической теории и практики. Один из них, который представляется нам наиболее важным, и является в настоящий момент объектом нашего анализа. Речь идет о ценности контекста и акценте на процессе при анализе природы психического. Наиболее, на наш взгляд, радикальный шаг основателей гештальттерапии заключался в трансформации представлений о self, который из индивидуалистического конструкта, обладающего собственной структурой, превратился в методологии гештальтподхода в процесс организации контакта в поле организм/среда. Продолжая оставаться последовательными, мы предлагаем сфокусироваться именно на этом процессе, перенеся фокус внимания с субъектов контакта в собственно процесс контактирования. Таким образом, организм и среда оказываются смещенными в фон в качестве некоторых хоть и важных, но абстракций. Именно это мы и называем принципом децентрализации власти. Теперь источник всех психических явлений рассматривается нами как локализованный вне субъектов контактирования. Для более понятного и последовательного описания этого принципа мы позволим себе разделить вслед за Аристотелем и П. Гудманом [16] опыт человека на первичный и вторичный. Если первый представляет собой некоторое множество феноменов поля, то второй предполагает возникновение базовых для привычного в индивидуалистической по своей сути культуре мышления абстракций, каковыми являются организм и среда, или Я, Ты, Они, Оно и т. д.

Присутствие, чувствительность, осознание и творчество как атрибуты контакта

После детального отступления в описании дифференциации первичного и абстрагированного опыта, выступающей базовым основанием нашей позиции о принадлежности свойств присутствия, чувствительности, осознания и свободы выбора процессу контакта, представим еще несколько аргументов в пользу этого утверждения. Так, например, в практике построения отношений с разными людьми [17] мы нередко сталкиваемся с тем, что степень присутствия, равно как и свободы, в контакте может значительно отличаться. Более того, то же имеет место и относительно степени осознания. В некоторых ситуациях контакта степень осознания человека может быть очень высокой, в других – несоизмеримо более низкой, вплоть до блокирования этой возможности. Как показывает практика кризисной психологии, индивид с высокой чувствительностью и способностью к творчеству в одних ситуациях контакта может совершенно утрачивать свободу и анестезироваться в других. Мы привыкли, однако, оставаясь в рамках индивидуализма и анализируя подобные примеры, объяснять их влиянием окружения и ситуации на индивида. Хотя более простым, а следовательно, учитывая правило Оккама, и более истинным объяснением было бы рассмотрение описываемых свойств в качестве атрибута контакта,

но не индивида. По крайней мере, с феноменологической точки зрения, мы можем лишь описывать контакт через призму специфической для него динамики феноменов. Попытка приписать эти феномены какой-либо из полевых абстракций носит вторичный, более поздний, характер.

В реалиях повседневной жизни нам, разумеется, не обойтись без апеллирования к абстракциям. Например, право как инструмент, регулирующий процесс развития человеческой цивилизации, невозможен без абстракции в форме субъекта права. Ведь довольно часто приходится принимать решение о принадлежности ответственности. Полевая же парадигма не предполагает такой возможности. Вообще, в большинстве областей обыденной человеческой жизни представления о феноменологии и поле излишни, более того – даже мешают, оказываются неудобными. Чего не скажешь о психотерапии. Сфера психологической помощи получает огромные преимущества от использования методологической позиции, основанием которой выступают феноменология, а также представления о поле и контакте. В том числе и от соответствующего им понимания ответственности. Приведенное несколько выше высказывание об ограничении возможности разделить ответственность участников контакта не эквивалентно представлениям об отсутствии ответственности. Оно лишь ограничивает возможности ее атрибуции, но не игнорирует во все эту проблему. За происходящее в контакте оба его участника ответственны в полной мере. С правовой точки зрения, такое положение вещей представляется неудовлетворительным, с психологической же – несет массу преимуществ. Акцент внимания участников контакта на самом контакте, а не на избегании его, например, в результате поиска виновного, позволяет вернуть контакту его ресурсы, заключающиеся в свободе феноменологической динамики. Таким образом, мне как психотерапевту не важно достоверно определить (разве что в некоторых случаях для облегчения возникшей тревоги), кому принадлежит тот или иной феномен контакта и кто ответствен за своеобразие терапевтического контакта. Важно другое: насколько это своеобразие устраивает нас обоих, какие новые факты сознания оно рождает и какую динамику поддерживает. Еще раз стоит повторить – представление о децентрализации власти в процессе контакта не снимает ответственности с терапевта за выбор терапевтической интервенции.

На этом этапе наших рассуждений появляется необходимость в пояснении еще одного важного факта, оппозиционного описанным выше наблюдениям о различиях между ситуациями контакта. Так, наряду с вариациями способа организации контакта от одной ситуации к другой, нельзя не заметить также и некоторую большую или меньшую стабильность коммуникативных проявлений. В индивидуалистической традиции это психологическое явление принято объяснять через призму представлений о характере. С позиции диалогово-феноменологического подхода, речь идет о проявлении self-парадигмы, которая представляет собой устойчивые во времени способы организации контакта. Self-парадигма при этом хоть и с меньшей очевидностью, но также принадлежит полю. Меньшая очевидность такой принадлежности проистекает из большей акцентированности этого комплексного феномена на вторичном, абстрагированном, опыте. Тем не менее, повторим, self-парадигма также принадлежит полю, поскольку получает свою жизнь из такого же фиксированного во времени его контекста. Self-парадигма в этом смысле не может быть рассмотрена в отрыве от ригидной ситуации, поскольку восстановление творческой динамики поля чревато изменением self-парадигмы. Акцентировав и усилив этот тезис, мы можем констатировать соответствие ситуации и self, а также хронической ситуации низкой интенсивности и self-парадигмы. Проще говоря, self относится к ситуации, как содержание к его форме. На этом, собственно говоря, и основывается базовый механизм диалогово-феноменологической психотерапии. Взаимозависимость ситуации и

self позволяет нам, поддерживая трансформацию ситуации в терапии, способствовать восстановлению творческой self-динамики переживания. И наоборот, восстанавливая процесс переживания (как базовую комплексную функцию self), мы с неизбежностью участвуем в трансформации ситуации.

Итак, свойства присутствия, чувствительности, осознания, творчества, как и все феномены, появляющиеся в контакте, являются атрибутами самого контакта. Этот тезис представляет для нас особую методологическую важность, поскольку феноменологическая динамика, восстановление свободы которой входит в планы диалогово-феноменологической психотерапии, происходит не внутри индивида, а в пространстве контакта. Только в этом случае психотерапия приобретает смысл – поддерживая трансформацию контакта, терапевтический процесс помогает человеку восстановить его жизненные ресурсы, сделать жизнь более насыщенной и свободной. Принятие же за аксиому прежнего привычного индивидуалистического положения предполагает только одну адекватную психотерапевтическую позицию – воздействие терапевта на клиента, опосредованное соответствующим «школьным» инструментарием. Поэтому формы этого воздействия остаются различными и варьируют от одного направления психотерапии к другому, суть же – центрирование власти у терапевта (вне зависимости от его директивности) и использование ее в целях «целесообразного» терапевтического воздействия – должна остаться неизменной.

К проблеме дифференциации свойств контакта

Рассматривая присутствие, чувствительность, осознание и творчество как основные свойства контакта, нельзя обойти вниманием различия в их природе. **Присутствие** выделяется из всех остальных свойств контакта той своей особенностью, которая связана с возможностью выбора его интенсивности и глубины, а также соответствующего ему риска. Иначе говоря, человеку просто необходимо решиться на контакт, в котором он бы присутствовал своей жизнью и переживанием.

Однако совсем другое положение вещей характерно для других рассматриваемых нами качеств контакта – степени **чувствительности** к себе и партнеру, степени **осознания** происходящего в феноменологическом поле контакта, степени **свободы** в выборе форм организации контакта. Если степень присутствия во многом подчиняется акту выбора, то эти описываемые свойства являются производными от предыдущего опыта контактирования. Другими словами, их нужно тренировать в процессе контакта с другими людьми для того, чтобы способствовать их развитию. Действительно, если способность осознания является «нетренированной» и соответственно слаборазвитой, то трудно рассчитывать на то, что вдруг одним лишь волевым решением она значительно повысится. Также не стоит рассчитывать на то, что клиент, много лет назад «похоронивший» свою чувствительность под толстым слоем неосознаваемого, вдруг по мановению воли терапевта или своей собственной обретет ее в полной мере и будет замечать минимальные движения, происходящие в феноменологическом поле контакта.

Степень присутствия человека в контакте также в некоторой степени определяется соответствующей способностью к присутствию, которая производна от предыдущего опыта контактирования. Тем не менее такого рода влияние применительно к присутствию значительно слабее выражено по сравнению с другими качествами контакта – его власть ограничивает возможность выбора человеком в любой момент риска присутствия.

Рассуждая о соотношении свойств контакта, являющихся отражением опыта человека, и его базового свойства – присутствия, отметим, в частности, что в некотором смысле первые выступают отражением инструментальных аспектов последнего. Этот тезис можно выразить иначе – чувствительность, осознание, свобода экспериментирова-

ния опосредуют качество присутствия человека в контакте. Разумеется, сказанное верно лишь в том случае, если контакт организуется присутственным образом, поскольку все названные свойства могут определять контакт, ограниченный в смысле присутствия или избавленный от него вовсе. Так, например, человек может быть очень чувствителен к происходящему в поле, обладать высокой способностью к осознанию, создавать новые формы организации контакта, но не жить в отношениях с Другими. Хотя случается такое довольно редко (если конечно не воспринимать творчество в отыгрывании в качестве свободного акта), но принципиально возможно.

С другой стороны, присутствие выступает в качестве необходимого условия для развития «опытных, инструментальных» свойств контакта, поскольку именно в процессе присутственного контакта с Другим формируется комплексный феномен, который в гештальтподходе принято описывать как граница-контакт. Граница-контакт обеспечивает пространство для тренировки чувствительности, осознания, творчества и т. д. Вне границы-контакт просто отсутствует необходимость в описываемых качествах. Рассматривая присутствие в качестве необходимого условия развития «опытных» качеств, мы ограничиваем возможности его влияния в этом процессе. Оно не является достаточным условием, уступая место собственно процессу тренировки и развития.

Прежде, чем перейти к детальному рассмотрению свойств контакта, необходимо сделать еще одно небольшое, но важное отступление. Анализируемые нами «опытные» свойства контакта, с одной стороны, выстраиваются в форме некоторой пирамиды, нижние слои которой выступают основанием для следующих за ними, с другой – взаимно обуславливают друг друга в едином процессе контактирования.

Раскроем этот тезис подробнее. Формирование способностей к чувствительности, осознанию и творчеству имеет последовательный характер. Так, например, основанием для развития процесса осознания является предварительное восстановление чувствительности. Иначе говоря, осознание представляет собой попытку некоторого описания (не обязательно во внешней речи) возникающих в поле впечатлений. Разумеется, для того, чтобы элементы феноменологического поля смогли произвести впечатление на человека, он должен обладать определенной чувствительностью. Далее, развитие свободы в выражении человеком себя и экспериментировании с формами организации контакта возможно лишь на основании сформированной способности к осознанию. Действительно, если процесс осознания нарушен или искажен предыдущим интроективным опытом, то попытки экспериментировать с формами предъявления в контакте или организации жизненного пространства носят также зависимый (или контрзависимый) от этого опыта характер. Так происходит, например, когда «экспериментирование» целиком и полностью определяется ригидной self-парадигмой (в частности, травматической self-парадигмой [18]). Разумеется, ни о какой свободе при этом говорить не приходится. Скорее, такая «экспериментальная» динамика разворачивается в рамках отыгрывания [19].

Таким образом, мы можем констатировать последовательный характер в развитии «опытных» свойств контакта, при котором каждое следующее свойство формируется на основе устойчиво развитого предыдущего. Фасилитировать развитие какого-либо свойства, игнорируя эту закономерность, с терапевтической точки зрения представляется нецелесообразным, а порой и вредным, поскольку, как правило, приводит к дальнейшей хронификации self и, следовательно, к закреплению способа деформации процесса контактирования.

С другой стороны, свойства контакта, отражающие опыт человека, находятся друг по отношению к другу и во взаимообуславливающих отношениях. Так, например, свобода в экспериментировании с формами организации контакта поддерживает развитие осо-

знания, а способность к осознанию в свою очередь питает процесс восстановления чувствительности. Однако отметим, что фактор взаимообусловленности «опытных» свойств контакта вступает в силу лишь при условии их сформированности. Иначе говоря, формирование свойств контакта, подчиняющееся описанной выше закономерности, является необходимым условием для их последующего взаимодействия.

***

Представление свойств контакта мы завершим небольшим резюме.

Во-первых, контакт представляет собой процесс взаимодействия двух людей, каждый из которых вносит в него свой вклад и определяет его особенности и форму протекания в соответствии с динамикой поля.

Во-вторых, имея такое довольно общее определение, контакт предполагает богатый спектр форм его организации, в основе которого лежат следующие основные его свойства: степень присутствия участников, чувствительность их к происходящему в феноменологическом поле контакта, степень и форма осознания, а также наличествующая у партнеров свобода выбора и творчества относительно используемых форм организации пространства взаимодействия.

В-третьих, при анализе категории контакта необходимо учитывать природу описываемых свойств, выделяя среди них присутствие как характеристику, подлежащую выбору со стороны партнеров по контакту, и чувствительность, осознание, творчество как свойства, производные от предыдущего опыта контактирования. При этом и первое, и второе выступают необходимыми условиями переживания, в то время как в своем сочетании они формируют достаточное его условие. Кроме того, в результате анализа свойств, мы не можем не констатировать их влияние друг на друга в едином процессе контактирования.

Ссылки и примечания:

1. Манн Д. Буддизм, экзистенциализм, ситуационизм: пробуждения в «Пробуждении к жизни» // Пси. 2008. № 2 (3). С. 172–188.
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. 576 с.
3. Его же. Ненормальные : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб., 2005. 432 с.
4. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. М., 2001. 368 с.
5. Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002. 240 с.
6. Харт К. Постмодернизм / пер. с англ. К. Ткаченко. М., 2006. 272 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. А. Гаранжи, В. Лапицкого, С. Фокина. СПб., 2000. 432 с.
8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 2-е изд. М., 2006. 389 с.
9. Его же. Прозрачность зла. 2-е изд. М., КДУ, 2006. 258 с.
10. Погодин И.А. Постмодернистская ревизия традиционных психологических ценностей // Журнал практического психолога (Специальный выпуск Белорусского института гештальта). № 1. 2008. С. 9–25.
11. Его же. К постмодернистской критике категорий времени, пространства и личности (эссе о переживании) // Психическая травма и переживание: гештальттерапия кризиса : сб. статей. Минск, 2008. 108 с.
12. Робин Ж.-М. Теория гештальттерапии в развитии. Воронеж, 2006. 114 с.
13. Уиллер Г. Гештальттерапия постмодерна: за пределами индивидуализма. М., 2005. 489 с.
14. Бейссер А. Парадоксальная теория изменений // Гештальт-2001. М., 2001. С. 6–14.
15. Погодин И.А. Особенности клинической антропологии в эпоху постмодерна // Credo New : теоретический журнал. № 3 (51). 2007. С. 180–190.
16. Гудман П. Безумная надежда и конечный опыт : пер. с англ. Воронеж, 2009. 119 с.
17. Сказанное верно даже для ситуаций контактирования с одним и тем же человеком в разное время.
18. Напомним, что «self-парадигма – относительно устойчивый во времени дизайн self-паттернов, который определяет особенности организации контакта человеком в текущем контексте поля. Self-парадигма выступает в некотором смысле «нормальной адаптивной степенью невроза», содержащего в своей основе хронические ситуации низкой интенсивности, которые определяют большую или меньшую психическую стабильность человека. Self-парадигма вносит свой вклад в специфику процесса переживания человека,

не разрушая и не блокируя его» (Погодин И.А. Диалоговая модель гештальттерапии : сб. статей. В 2 т. Т. 2. Сущность диалоговой психотерапии: практические и прикладные аспекты. Минск, 2009. 102 с. С. 89). Под травматической self-парадигмой мы понимаем «фиксированный во времени дизайн self-паттернов, релевантный функциям id, ego, personality, который предполагает блокирование процесса переживания. Удерживаемый травматической self-парадигмой высокий уровень психического напряжения в результате блокированного в ней витального возбуждения определяет природу и особенности проявления травматической симптоматики» (там же).

19. Термин «отыгрывание» мы используем в данном контексте в том же значении, что и Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в «Словаре по психоанализу»: «По Фрейду, ситуация, при которой субъект, находящийся во власти своих желаний и бессознательных фантазмов, переживает их в данный момент тем более сильно и живо, что он не осознает их источника и повторяемости» (Лапланш Ж. Понталис Ж.Б. Словарь по психоанализу / пер. с франц. Н.С. Автономовой. М., 1996. 623 с. С. 324).

References and notes:

1. Mann, D 2008, 'Buddhism, existentialism, Situationism: awakening in "Awakening to Life"', *Psi*, no. 2(3). pp. 172–188.
2. Foucault, M 1997, *The history of madness in the classical period*, St. Petersburg.
3. Foucault, M 2005, *Abnormal: a course of lectures at the Collège de France in 1974–1975 academic year*, St. Petersburg.
4. Friedman, J & Combs, J 2001, *Construction of other realities: Stories and tales as therapy*, Moscow.
5. Deleuze, J 2002, *Criticism and the clinic*, St. Petersburg.
6. Hart, K 2006, *Postmodernism*, Moscow.
7. Derrida, J 2000, *Writing and difference*, St. Petersburg.
8. Baudrillard, J 2006a, *Symbolic exchange and death*, 2nd ed., Moscow.
9. Baudrillard, J 2006b, *Transparency of Evil*, 2nd ed., Moscow, CDU.
10. Pogodin, IA 2008a, 'Postmodern revision of traditional psychological values', *Journal of Practical Psychology (Special Issue of the Belarusian Institute of Gestalt)*, no. 1, pp. 9–25.
11. Pogodin, IA 2008b, 'To the postmodern critique of categories of time, space and identity (essay about the experience)', *Mental trauma and experience: Gestalt crisis*, Minsk.
12. Robin, J-M 2006, *Gestalt theory in development*, Voronezh.
13. Wheeler, G 2005, *Gestalt postmodern: Beyond individualism*, Moscow.
14. Beysser, A 2001, 'The paradoxical theory of change', *Gestalt-2001*, Moscow, pp. 6–14.
15. Pogodin, IA 2007, 'The clinical anthropology in the postmodern era', *Credo New: theoretical journal*, no. 3(51), pp. 180–190.
16. Goodman, P 2009, *Crazy hope and finite experience*, Voronezh.
17. This is true even in situations of contact with one and the same person at different times.
18. Recall that «the self-paradigm is a relatively stable over time self-design patterns, which determines the features of the organization of the contact person in the context of the current field. Self-paradigm appears in some sense "normal adaptive degree neurosis" containing basically chronic situations of low intensity, which more or less define mental stability person. Self-paradigm contributes to the specificity of the process of human experience, not destroying or blocking it "(Pogodin, IA 2009, 'Interactive Gestalt model' in *Essence interactive psychotherapy: practical and applied aspects*, Minsk, vol. 2, p. 89). Under the self-traumatic paradigm we understand the "fixed time self-design patterns relevant to the function id, ego, personality, which involves blocking the process of experience. Hold down the paradigm of self-traumatic high level of mental stress as a result of blocked it vital excitation determines the nature and features of the manifestation of traumatic symptoms "(ibid.)
19. The term 'acting out' we use in this context, in the same sense as Jean Laplanche and JB Pontalis in the "Dictionary on psychoanalysis": "According to Freud, a situation in which the subject is in the power of their unconscious desires and fantasies, experiences them at the moment all the more strongly and vividly that he is not aware of the source and frequency" (Laplanche, F & Pontalis, JB 1996, *Dictionary of psychoanalysis*, transl. from French, Moscow, p. 324).